

УДК 81'42. 82-6

ББК 83

О.П. Фесенко**ДИССИММЕТРИЯ
ДРУЖЕСКОГО
ЭПИСТОЛЯРНОГО
ДИСКУРСА ПЕРВОЙ
ТРЕТИ XIX ВЕКА**

Статья посвящена анализу статусного признака дружеского эпистолярного дискурса первой половины XIX в. — диссимметрии. Феномен диссимметрии рассматривается как разрушение сложившихся ранее эпистолярных традиций, повлекшее за собой вариативность формы и содержания дискурса, и воспринимается как функционально-значимая аномалия в период формирования новых эпистолярных форм. Показателями диссимметрии предлагается считать полифункциональность, политематичность, конвенциональность и языковую игру.

Ключевые слова: эпистолярный дискурс, диссимметрия, полифункциональность, политематичность, конвенциональность, языковая игра.

Фесенко Ольга Петровна — канд. филол. наук, доцент кафедры общественных наук Омского экономического института
E-mail: olga.fesenko@ Rambler.ru

© О.П. Фесенко, 2008 г.

Эпистолярный текст — уникальный объект исследования современной лингвистики. В нем содержится информация об особенностях языка целой языковой эпохи, проявляется языковая личность создателя письма; письма могут рассматривать как носители определенной информации литературоведческого и философско-антропологического характера. Несмотря на то что эпистолярный как лингвистический и литературный феномен давно привлекает внимание ученых, многие его аспекты еще не раскрыты, в частности, изучение дискурсивной природы дружеского эпистолярного и ее специфики в первой половине XIX в.

При определении эпистолярного как дискурса важным будет являться тот факт, что дискурс создается в процессе взаимодействия коммуникантов и отражает на языковом уровне контакт и межличностные отношения между автором и адресатом. **Дружеский эпистолярный дискурс — это речевое произведение, созданное и функционирующее с учетом определенной национально-временной эпистолярной традиции, имеющее письменную форму и реализующееся во всем многообразии его когнитивно-коммуникативных функций.**

Рассмотрим одну из основных дискурсивных особенностей дружеских писем пушкинской эпохи — их диссимметричность.

В последнее время в науке особенно обострился интерес к таким,

казалось бы, устоявшимся понятиям, как симметрия, асимметрия и диссимметрия. «Симметрию принято рассматривать не только как основополагающую категорию научного знания, устанавливающую внутренние связи между системами, теориями, законами и понятиями, но и относить ее к атрибутам материи таким же фундаментальным, как пространство, время, движение» [Акопян, 1980, с. 8]. Сущность симметрии традиционно понималась как признак полноты, гармонии и совершенства, как «уровневенность отдельных частей объекта, которая объединяет их в единое целое» [Акопян, 1980, с. 9]. Сегодня в различных научных направлениях разрабатываются теории и концепции, связанные с понятием симметрии, а само оно постоянно дополняется и расширяется. Мы не будем рассматривать различные направления в трактовке термина, поскольку для нас самое главное, во-первых, то, что симметрия связывается с явлением **инварианта**, и, во-вторых, как отмечает А.В. Жуков, «какой бы теории мы не придерживались, одно остается обязательным: нельзя рассматривать симметрию без ее антипода — диссимметрии. В симметрии отображается та сторона явлений, которая соответствует покою, а в диссимметрии — та их сторона, которая отвечает движению» [Сонин, 1987, с. 98]. Если симметрия — гармоничное, пропорциональное сочетание частей целого, то диссимметрия — это «отсутствие или выпадение каких-либо элементов симметрии» [Акопян, 1980, с. 43]. При этом диссимметрия выступает как «динамический аспект познания сущности явлений, которые приходят на смену симметрии (...) каждый раз, когда обнаруживается необходимость изучения динамики» [Акопян, 1980, с. 62].

Современная лингвистика успешно оперирует термином «асимметрия», представляющим только один аспект диссимметрии (ее крайнюю форму). Под асимметрией в языке понимается «отступление от упорядоченности, регулярности, единообразия в строении и функционировании языковых единиц, отражающее одну из основных особенностей строения и функционирования естественного языка» [Гак, 1998, с. 47]. В таком рассмотрении специфики асимметрии утрачивается очень важный **динамический** аспект, поэтому мы склонны использовать при описании особенностей эпистолярного дискурса термин «диссимметрия», сохраняя две его важные составляющие: временную и вариативную (если отталкиваться от связи симметрии и инвариантности). В нашем понимании **диссимметрия** дружеского эпистолярного дискурса первой трети XIX столетия **заключается в разрушении сложившихся ранее эпистолярных традиций, повлекшем за собой вариативность формы и содержания дискурса и воспринимаемому как функционально-значимая аномалия в период формирования новых эпистолярных форм**. Диссимметрия как свойство дискурса будет проявляться каждый раз при смене традиции речевого

жанра (как это было в начале XIX в., как это происходит сейчас, в период разрушения дружеского письма и формирования электронной переписки).

В дружеском письме анализируемой нами эпохи аномально использование практически всех элементов эпистолярия.

Показателями диссимметрии эпистолярия может являться его полифункциональность и политематичность. Письма XVIII столетия выполняли, часто, только одну функцию, так как были, преимущественно, монотемными. «Новейший всеобщий и полный секретарь» (1801 г.) приводит примеры следующих тематических видов писем, по названию которых легко угадывается их функция: службные, утешительные, поздравительные, похвальные, благодарительные, советовательные, приговорные, увещательные, отсоветовательные, укорительные, дельные письма, жалобные, письма, содержащие просьбу; препоручительные, любовные [Новейший всеобщий и полный секретарь..., 1801, с. 34–74].

Мы полагаем, что в текстах писем реализуются две базовые функции (коммуникативная и функция самовыражения) и три вторичные (информативная, фатическая, прагматическая). Прагматическая функция, в свою очередь, может быть представлена эмотивной (эмотивно-оценочной), эстетической и волюнтативной функциями. Поскольку обе первичные функции тесно переплетены, то вторичные могут реализовать одновременно и коммуникативную функцию, и функцию самовыражения.

Частные функции взаимообусловлены и двунаправлены. Эпистолярный текст в условиях реализации, например, прагматических функций оказывает воздействие, в первую очередь, на адресата письма, а во вторую — на самого автора и при этом служит средством отражения его внутреннего состояния.

Письма первой половины XIX в. являются ярким примером реализации одновременно нескольких функций: *«Мне скучно, милый Асмодей, я болен, писать хочется — да сам не свой. Мне до тебя дело есть: Гнедич хочет купить у меня второе издание «Руслана» и «Кавказского пленника» — но титео данаос, т.е. боюсь, чтоб он со мной не поступил, как прежде. Я обещал ему предисловие, но от прозы меня тошнит. Перепишись с ним — возьми на себя второе издание и освяти его своею прозой, единственную в нашем прозаическом отечестве. <...>*

Прощай, моя прелесть, — вперед буду писать тебе толковее.<...>» (А.С. Пушкин П.А.Вяземскому, 19 августа 1823 г.).

«Что ты молчишь, милый Киреевский? Твое молчание меня беспокоит. Я слишком тебя знаю, чтобы приписать его охлаждению; не имею права приписать его и лени. Здоров ли ты и здоровы ли все твои? Право, не знаю, что думать. Я в самом гипохондрическом расположении

духа, и у меня в уме прямо вертится вопрос: отчего ты не пишешь? (...)» (Е.А. Боратынский И.В. Киреевскому, 6 августа 1831 г.).

В приведенных эпистолярных текстах реализуются следующие функции: фатическая, проявляющаяся в употреблении обращений (*милый Асмодей, моя прелесть, милый Киреевский*); информативная (в первом тексте сообщается о намерении переиздать поэмы, о болезни автора, о его отношении к прозе и т.д.; во втором — субъективную информацию о внутреннем состоянии автора по поводу отсутствия писем от адресата); прагматическая, реализующаяся посредством глаголов в форме повелительного наклонения (перепишись, освяти), лексики и фразеологии, передающей эмоциональное состояние автора (сам не свой, скучно, беспокоит, гипохондрическое расположение духа и т.д.). Все функции, с одной стороны, реализуют коммуникативную, с другой — являются средствами авторского самовыражения, отражения собственного отношения к описываемому, к адресату.

Политематичность — также явление диссимметрии.

Эпистолярный дружеский дискурс можно рассматривать как форму дружеской беседы (каковой он не являлся в XVIII столетии). Тематика беседы безгранична, что и проявляется в абсолютном большинстве писем первой трети XIX в. (об этой черте частной переписки упоминают все исследователи). Среди проанализированных нами эпистолярных практически нет таких, которые служили бы исключительно для передачи информации. Тексты достаточно объемны, они включают в свой состав множество тем и проблем самого разного плана (домашнего, общегосударственного и исторического уровня, проблемы литературного творчества и т.д.). Так, письмо А.С. Пушкина от 3 марта 1826 г., обращенное к П.А. Плетнёву, содержит «калейдоскоп тем, касающихся дел издательских, семейных, фрагменты биографические, короткие реплики философского содержания»: *Карамзин болен! — милый мой, это хуже многого — ради бога успокой меня, не то мне страшно вдвое будет распечатывать газеты. Гнедич не умрёт прежде совершения «Илиады» — или реку в сердце своё: несть Феб. Ты знаешь, что я пророк. Не будет вам «Бориса», прежде чем вы напишете обо мне в Петербург [...] пускай позволят мне бросить проклятое Михайловское. Вопрос, невинен я или нет? но в обоих случаях давно надлежало мне быть в Петербурге. Вот каково быть верноподанным: забудут и квит. Получили ли мои приятели письма мои дельные, т.е. деловые? Что ж не отвечают?* (А.С. Пушкин П.А. Плетневу, 3 марта 1826 г.).

Языковая игра как форма проявления диссимметрии — результат переосмысления уходящих эпистолярных традиций. Языковая игра — это фундаментальное свойство человеческой культуры. В широком

понимании этого феномена (языковая игра как моделирование языковой действительности) эпистолярный дискурс представляет собой «игру» в обычный бытовой диалог. Проявляется она через **спонтанность** эпистолярной речи. Так, иногда может показаться, что события, которые описываются в тексте письма, изложены несвязно, непоследовательно, как это свойственно *спонтанной* эмоционально устной речи: «(...) Скажи, много ли у тебя подписчиков. Напечатай в московских газетах, какие и какие статьи помещены в 1-м № Европейца. Это будет тебе очень полезно.

Я и все мои усердно поздравляем тебя и твоих с праздниками и новым годом. Дай бог, чтоб будущий нашел нас вместе.

Мы переехали из деревни в город: я замучен скучными визитами. (...)» (Е.А. Боратынский И.В. Киреевскому, конец декабря 1831 г.).

Это свойство текста Ю.М. Лотман назвал *дискретностью*: «Дискретность — способность выдавать информацию порциями — является законом всех диалогических систем» [Лотман, 1999, с. 194].

Дискретность как форму языковой игры, можно наблюдать в большинстве дружеских писем первой трети XIX века.

Эффект спонтанности, неподготовленности речи может создаваться на синтаксическом уровне с помощью инверсии, пропуска сказуемого, эллиптированных предложений, например: «*Ольдекоп, мать его в рифму, надоел! плюнем на него и квит*» (А.С. Пушкин П.А.Вяземскому, 29 ноября 1824 г.). «*С ума ты сошел, милый Шишков; ты мне писал несколько месяцев тому назад: Милостивый государь, лестное ваше знакомство, честь имею, покорнейший слуга... так что я не узнал моего царскосельского товарища*». (А.С. Пушкин А.А.Шишкову, август-ноябрь 1823 г.).

Формой проявления языковой игры может выступать **конвенциональность** дружеского письма.

Понятие конвенциональности гораздо шире понятия речевого этикета и предполагает не столько его соблюдение, сколько учет сформированных речевых стереотипов дружеского письма в процессе его создания. Отсутствие или модификации того или иного речевого штампа, наполняющего этикетную рамку, позволяют автору более ярко отразить свою позицию, взгляды, чувства, успешнее реализовать различные функции эпистолярного текста. Этикетные социальные формулы относятся к конвенциональным актам, но, в случае сознательного пренебрежения первыми с определенной коммуникативной целью следует говорить не о речевом этикете дружеского письма, а о *конвенциональности дружеского эпистолярного дискурса*. Приведем в доказательство наших позиций некоторые примеры.

В эпистолярных текстах первой трети XIX в. практически не соблюдается речевой этикет, часто пародируется использование этикетной

рамки. В большей части проанализированного эпистолярного наследия (1281 письмо) не используется этикетная формула приветствия (986 писем, 77 %): «*Вот тебе для Европейца. Извини, что так дурно переписано: ты знаешь страсть мою к переправкам (...)*». (Е.А. Боратынский И.В. Киреевскому, декабрь 1831 г.). «*Я рано нынче отделался и в пять часов увижу Александру Дмитриевну*» (А.А. Дельвиг С.М. Салтыковой, июль 1825), «*Не знаю, что будет «Онегин» далее: быть может, в следующих песнях он будет одного достоинства с «Дон Жуаном» (...)*». (К.Ф. Рылеев А.С. Пушкину, 10 марта 1825). Часто в письмах опускается или модифицируется обращение: «**Ангел мой Вяземский или пряник мой Вяземский**, получил я письмо твоей жены и твою приписку, обоих вас благодарю и еду к вам не доеду». (А.С. Пушкин П.А. Вяземскому, 1 декабря 1826 г.). «**Великий Пушкин, маленькое дитя!** Иди, как шел, т.е. делай, что хочешь» (А.А. Дельвиг А.С. Пушкину, 28 сентября 1824 г.).

Формула прощания не используется в 122 эпистолярных текстах (74 из которых принадлежат перу А.С. Грибоедова). Что же касается подписи в финале эпистолярия, она, как и другие элементы этикетной рамки, часто просто отсутствует (794 текста, 62 %).

Нарушение этикетной рамки письма — признак, свойственный абсолютному большинству писем первой трети XIX в., но осознающийся как аномальный, неся определенную функциональную нагрузку, помогая авторам выразить свое отношение к адресату, передать эмоциональное состояние.

Языковая игра **в более узком** понимании термина, как имеющая установку на комический эффект, реализуется в следующих формах:

1. Пародирование структуры и этикетной рамки письма в начале XIX столетия (письма стали пародийными текстами по отношению к тем рекомендациям, которые предлагали авторы Письмовников).

При сохранении формального «простого» стиля изложения, авторы включают в текст разговорную, часто бранную, лексику, осмеивают эпистолярную традицию XVIII в. Как отмечает Е.Е. Дмитриева, примером такого пародийного оформления писем может служить использование «обращения к мифологическим и языческим божествам в финале письма вместо шаблонного обращения к богу о благополучии адресата» [Дмитриева, 1986, с. 550], например: «*Прости, душа моя, обнимаю, целую тебя мильон раз, благословляю тебя во имя Феба и святых Ореста и Пилада. Цвети, мой несравненный цвет, певцов очарованье. Твой Дельвиг*» (А.А. Дельвиг Е.А. Боратынскому, 8 января 1826 г.). Пародировалось и начало письма: «*Ваше Поэтическое высокопревосходительство, честь имею донести вам, что я уже 10 дней нахожусь в Харькове*» (А.А. Дельвиг А.С. Пушкину, около (не позднее) 18 февраля 1828 г.).

«Вот тебе и число. Я пропустил одну почту оттого, что в моем глубоком уединении

Позабыл все дни недели

Называть по именам» (...) (Е.А. Боратынский И.В. Киреевскому, 29 ноября 1831 г.). Это пример пародийного использования этикетных элементов письма (в данном случае — даты). Комический эффект, который создается в контексте, возможен исключительно при восприятии устоявшихся этикетных шаблонов эпистолярия конца XIX в.

Иногда пародировалась вся структура письма целиком, при этом утрировались все те требования, которые выдвигались к написанию писем в Письмовниках (соблюдение этикетной рамки — приветствия, обращения, пожелания благополучия, прощание), простота и лаконичность изложения, безэмоциональность и т.д. Приведем в пример письмо А.А. Дельвига Е.А. Боратынскому (от 18 марта 1828 г.): *«Брату Евгению здравия и спасения и поэтического вдохновения желает пустынный брат Антон. § 1-й. Поздравляю тебя и милую жену твою с наступающим праздником воскресения Христова. 2-й. Уведомляю тебя, что в городе Харькове грязь классическая с наблюдением трех единств, из коих самое нестерпимое называется скукой. 3-й. Пишешь ты ко мне редко, и ничего не говоришь о портрете твоём: готов ли он? Если готов, то похож ли? Если похож, то держи его до моего приезда. § 4. Я начинаю говеть. Прошу у вас прощения. § 5-й. Письмо мое с виду покажется постороннему человеку очень порядочным, но ты знаешь меня, и параграфы мои тебя не обманут. § 6-й. Как начал, так и кончу, соблюдая принятую мною форму. § 7-й. Кланяйся от меня Николаю Алексеевичу Полевому и брату его. § 8. Пишу сие 18 марта 1828 года в губернском городе Харькове. § 9. Желая и прошу бога помочь мне вырваться отсюда и поскорее обнять вас, милые друзья мои. § 10. До свидания. Обнимаю и целую тебя. Твой Дельвиг».*

Возможность возникновения комического эффекта связана в этих контекстах с тем, что авторы прекрасно владели эпистолярными нормами Письмовников. Разрушая эпистолярные традиции прошлого в процессе языковой игры, они создавали новые, ставшие основой для функционирования эпистолярного дискурса на протяжении более чем 200 лет.

2. Мозаичность (термин Н.Л. Степанова). Мозаичность реализуется прежде всего на стилевом уровне и через сочетание в тексте письма прозаических и поэтических элементов. Частное письмо подвержено проникновению элементов других стилей: научного, делового, публицистического. В эпистолярном наследии Е.А. Боратынского мы находим такой пример: *«В шумной Москве ты не забыл финляндского отшельника, Милый Путята, спасибо тебе: да благо ти будет и долголетен будеши на земли»* (Е.А. Боратынский Н.В. Путяте, вторая

половина февраля — начало марта 1825 г.). В данном контексте поэт использует лексику, характеризующуюся употреблением преимущественно в нейтральном стиле в одном ряду с выражением, функционирующим в книжном стиле (отрывок из молитвы). В другом отрывке в контекст включается лексика сниженная: *«Извините, что не писал к вам вместе с присылкою остальной моей дряни, как бы следовало честному человеку. Я уверен, что у вас столько же добродушия, сколько во мне лени и бестолочи»* (Е.А. Боратынский А.А. Бестужеву и К.Ф. Рылееву, весна 1824 г.). Слова «дрянь» и «бестолочь» используются как бы от лица адресатов, автор позволяет так назвать себя и свое творчество потому, что хочет подчеркнуть близость и доверительность отношений с теми, с кем ведется переписка. Подобные примеры функционируют в письмах различных авторов, они не единичны.

3. Лексический и фразеологический каламбур и новообразования.

Обратимся к примеру каламбурного использования фразеологизма в текстах писем А.С. Пушкина: *«Не стыдно ли Кюхле печатать ошибочно моего «Демона»! <...> Не давать ему за то ни «Моря», ни капли стихов от меня.* (А.С. Пушкин П.А. Вяземскому, 12 ноября 1827 г.). В пушкинском контексте внутренняя форма фразеологизма «проступает» благодаря лексеме МОРЕ, противопоставленной компоненту фразеологической единицы КАПЛЯ. В предложении слова МОРЕ и КАПЛЯ становятся антонимами. В контексте обыгрывается не только внутренняя форма фразеологизма, но и название стихотворения «Море». Перед нами двойной каламбур. С одной стороны, А.С. Пушкин опирается на производность фразеологической единицы, оживляя ее внутреннюю форму, с другой, — на прямое и переносное значение лексемы МОРЕ.

Это взаимообуславливающее употребление языковых единиц, в результате которого и возникает каламбур.

Насыщено подобными контекстами эпистолярное наследия Н.М. Языкова: *«Что же до нас касается, то это дело до нас вовсе не касается»* (Н.М. Языков П.М. Языкову, 22 января 1826 г.). *«Мои стихотворения вышли чрезвычайно окарнанными из-под пера Льва Цветаева: этот Лев — осел!»* (Н.М. Языков П.М. Языкову, 15 марта 1832 г.). *«Стихи льются, когда пишешь для понимающей прекрасной особы; я тоже пишу и для других красавиц, но они редко меня понимают или совсем не понимают и всегда хвалят, между тем как я чувствую, что они не чувствуют, — и тогда я не трубадур, а труба-дур!»* (Н.М. Языков обоим братьям, 2 марта 1824 г.) и т.д.

«Тотальная» диссимметрия дружеского письма, тем не менее, не разрушила его как речевой жанр. Это обусловлено определенными внутренними свойствами диссимметрии, поскольку формирование инварианта, становящегося традицией (нормой), связано «с преобразованиями, в которых обнаруживается особый, неизвестный ранее тип

симметрии» [Овчинников, 2000, с. 188], в нашем случае новая эпистолярная форма, новый речевой жанр. «Реальный мир есть мир **гармонии**, важным признаком которой является нарушенная симметрия», т.е. диссимметрия, (...) а «гармония — это диалектическое единство противоречивых начал» [Балакшин, 2005, с. 8]. В борьбе противоположностей родилась новая форма дружеского письма, ставшая гармоничной и образцовой для многих поколений носителей русской культуры.

Литература

1. *Акопян И.Д.* Симметрия и асимметрия в познании. Ереван, 1980.
2. *Балакшин О.Б.* Коды да Винчи — новая роль в естествознании? Неожиданное о золотом сечении: Гармония асимметричных подобий в природе. М., 2005.
3. *Гак В.Г.* Асимметрия // Языкознание: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1998.
4. *Дмитриева Е.Е.* Эпистолярный жанр в творчестве А.С. Пушкина. Автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 1986.
5. *Лотман Ю.М.* Механизмы диалога // *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1999.
6. Новейший всеобщий и полный секретарь, содержащий новое, полное и основательное наставление, как сочинить всякого рода письма, с приобщением многих лучших примеров, и состоящий в четырех частях / Пер. с фр. Василия Протопова. М., 1801.
7. *Овчинников Н.Ф.* Асимметрия // Новая философская энциклопедия. Т. 1. М., 2000.
8. *Сонин А.С.* Постигание совершенства (симметрия, асимметрия, диссимметрия и антисимметрия). М., 1987.